

Игорь ИГНАТЕНКО

выпускник БГПИ 1964 года

От редакции. Автор публикуемых ниже воспоминаний и стихов — известный амурский поэт. Игорь Данилович Игнатенко выпустил одиннадцать книг стихотворений, поэм и прозы: «Сентябрины» (1982), «Годовые кольца» (1987), «Бег по кругу» (1991), «Гнездовья» (1993), «Прощай...» (1995), «Прикосновение» (2000), «Ровесница» (2000) и др. Он член Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей России, председатель правления Амурской областной общественной писательской организации. За книгу стихотворений «Прощай...» в 1995 году И. Игнатенко был удостоен звания лауреата Амурской премии в области литературы и искусства.

А еще он кандидат в мастера спорта по легкой атлетике, чемпион Дальнего Востока в десятиборье 1967 года, многократный чемпион и рекордсмен Амурской области. Но это уже другая тема, на которую в его лирическом дневнике написано тоже немало строк. Впрочем, об этом как-нибудь потом в следующих номерах альманаха...

Лирические воспоминания

Есть деревенька на земле...

За давностью лет человеческая память теряет в повседневности ароматы и звуки, но некие зрительные образы остаются в глубокой подспудности. Листая свои рукописные тетрадки со стихами, первое из которых датировано — страшно подумать! — невообразимо далеким 1953 годом, мне, как в немом кино, удалось воскресить ту часть былого, которая как раз и опустилась в основание прожитого.

Когда на страницах нового альманаха «Амур» мне предложили напечатать что-то из моих стихов, почему-то захотелось достать именно эти пожелтевшие от времени тетрадки, где в одной из них хранилась запечатленная студенческая молодость. И перечитывая основательно подзабытые строки, я вновь вдохнул воздух юности. Однако понял и другое: кое-что для читателя надо бы пояснить. Иначе лирика так и останется лирикой, понятной только мне одному. Конечно, толковать стихи — занятие бесполезное, но я и не собираюсь делать этого, просто дополню их теми фактами, которые когда-то стали побудительным толчком к созданию того или иного стихотворения, но в сами стихи не вошли в силу своего, как мне тогда казалось, прозаизма. Теперь же всё кажется иначе, но, как говорится, написанного пером не вырубишь и топором... Впрочем, и дописывать что-либо опытной рукой тоже не представляется нужным — это все равно как шить на старое хлопчатое платье новые вискозные заплатки. Стихи, которые вы прочитаете, я не включал ни в одну из своих книг, за исключением стихотворения «Иней», которое было опубликовано в несколько сокращенном виде в моей второй книжке «Годовые кольца» (1987) под названием «На педагогической практике в Зеньковке». Так что не взыщите строго за юношеские неровности стиля, а попытайтесь понять меня давнишнего, но по возрасту — вашего сверстника. (Эти строки адресую нынешним студентам в надежде, что они напишут на ту же тему что-то свое.)

Осень 1963 года. Пятый курс истфилфака Благовещенского пединститута отправляется на полугодовую педагогическую практику в школы области. Впрочем, практика

будет длиться весь учебный год, только одна часть студентов пройдет ее до нового года, а другая сменит «забойщиков» вплоть до последнего майского звонка.

Еду в Тамбовку, где живет и работает мой отец, где заканчивал школу, где два года назад расстался навсегда с мамой... В маленьком чемоданчике-«балетке» учебники и пособия для уроков, здесь же тетрадка со стихами. Я уже печатался в институтской многотиражке «За педкадры», где два года исполнял обязанности ответственного секретаря. В глубине души давно уже понимал, что после окончания института учителем работать вряд ли стану, мечталось о профессии журналиста. Ну а получить филологическое образование в ту пору у нас в области можно было лишь в пединституте. Так что практика меня занимала постольку поскольку; хотелось новых впечатлений после спортивного лета, когда мне удалось в очередной раз стать чемпионом области по легкой атлетике, поехать по стране на крупные соревнования.

Ну а дома, в родной школе, в окружении старых наставников, в общении с молодыми учителями, нахлынули новые мысли и чувства, пришло вдохновение. И тетрадка со стихами стала пухнуть прямо на глазах. Одним из первых появилось тогда программное, как я его определял, стихотворение «Приамурье». Читая Комарова, Цирулика, Завальнюка, захотелось сказать о родных местах что-то свое.

ПРИАМУРЬЕ

Ночь такая белая от инея,
От луны, упавшей на межу...
Приамурье, лишь тебе донине я
Сердцем и умом принадлежу.

Край родной с оврагами и ширями,
С голубыми пятнами озер,
С детства я тебя мечтами вымерял,
Да не все прошел до этих пор.

По тебе скучал средь южной зелени,
Где морской бурунится прилив.
Одного хотел я: чтобы спели мне,
Как Амур спокоен и красив.

Я к тебе летел сквозь расстояния,
Через паровозные гудки,
Чтоб придти, робея, на свидание
С духом древней песенной реки,

Чтоб сказать простое «Здравствуй!» – рошицам,
Синим сопкам и глухой тайге,
Чтоб весной над Зеей не поморщиться
Мне от ветра по большой шуге.

А когда кругом багульник вспыхнет
И меня согреет этот жар, –
Сердце на мгновение затихнет,
Молод ты иль безнадежно стар.

И пойдет, пойдет кружить-метелить
По садам черемушным дождем.
Обновят свои иголки ели,
Защечечут птицы знойным днем.

Отдрожит в мари степной пшеница,
Отцветут нехитрые цветы...
День короче, дольше вечер длится...
Лето, быстро промелькнуло ты!

И, храня терпение большое,
Средь сентябрьских ранних холодов
Убирают гордость нашу – сою –
Вплоть до первых девственных снегов.

.....
Ночь такая белая от инея,
От луны, упавшей на межу.
Приамурье, лишь тебе донине я
Сердцем и умом принадлежу.

Тамбовка. Сентябрь 1963

Масштабность этих строк сменила тема предстоящего скорого расставания с институтом, который тоже стал родным – столько с ним было связано в яркие годы юности! А разве забудешь пожар осенью 1960 года, который лишил нас на два года родных стен и прибавил к обычным студенческим хлопотам и строительные заботы... Стихи писались как некое обращение к тем юношам и девушкам, которые сменят нас на студенческой скамье.

НАШ ИНСТИТУТ

Он большой, торжественный и строгий,
Я когда-то робел у его порога.
Наш отец – он вырастил многих,
Наша совесть – судил он строго.

Он дарил нам веселые песни,
Он вручал нам глубокие мысли,
Горе, радость делили вместе,
С ним мужали и вместе выросли.

Он два раза рожден на свете –
Мы подняли его из пепла.
Наш союз нерушим и светел,
Наша дружба в беде окрепла.

Он теперь ожидает новое
Молодое племя студентов.
Он научит вас делать многое
И на многое даст ответы.

Ваш отныне он станет навечно.
Заступайте науке на службу,
Принимайте привет сердечный,
Начинайте большую дружбу.

Тамбовка. Сентябрь 1963

Однако приподнятость чувств уступила место будням учителя-практиканта, и оказалось, что занятие это не для слабонервных. Теперь понимаю, чего мне стоила улыбка над самим собой тогдашним...

НА ПРАКТИКЕ

1

Дети – сущие мучители!
Отчего я стал учителем?
В классе гомон, шум и смех,
Вот уйми попробуй всех.
Тема нынче «Звуки речи»,
В классе слышен свист «картечи»:
Из резинок бой затеян,
Так, бесспорно, веселее.
Как не стыдно, пионеры!
Принимаю срочно меры:
На ногах стоит весь класс –
Это раз;
Шевельнутся лишь едва –
Выгоняю – это два;
Коль наказывать их скоро –
Оставляю всех без сбора;
Забираю дневники –
Пусть приходят старики;
В понедельник, хоть не надо,
Задаю задание на дом.
Разбегайтесь по домам,
Приводите ваших мам!
.....
Так окончилась суббота.
Больше в школу неохота.

2

Пролетело воскресенье,
Позабылись все мученья.
Прихожу – спокоен класс –
Это раз;
Отдыхает голова –
Это два;
Ликование внутри –
Это три;

Нет волнения пустого,
Понимают с полуслова,
Чуть вопросами затронь их –
Дружно тянут вверх ладони,
Все, что знают, отвечают,
Нерадивых дополняют.

.....
Нет, неплохо все же, братцы,
Быть учителем, признаться!

Тамбовка. Сентябрь 1963

Судьбе было угодно, чтобы именно на педпрактике я повстречал свою будущую жену, которая тогда первый год работала в должности учителя математики. Поначалу наше чувство развивалось как некое лирическое предощущение в есенинско-фольклорном ключе, а самые первые стихи, посвященные молодой математичке, сочинены были экспромтом. В перерыве между танцами не помню уж какого праздничного вечера мы зашли с нею в пустой класс, и я тут же на доске написал мелом вот эти строчки...

Ох, как трудно,
Ох, как невесело
Одному быть,
Всегда одному.
Ходят девушки
Мимо с песнями,
А кому поют –
Не пойму.
Ходят девушки,
Улыбаются
И смеются враз
Звонко-весело.
Голова моя,
Словно мак,
Склоняется,
И летит душа
Вслед за песнями.
Голова моя
По тебе болит.
Сердце вдребезги –
В сотни зимних лун.
А в глазах твоих
Речка,
Небо ли.
Я от ласки их
Буду вечно юн.
Вот и кончилась
Песня звонкая,
Улетела вдаль
И рассыпалась.
Ходят девушки
Все сторонкою.
На окне моем
Снег да изморозь.

Тамбовка. Октябрь 1963

Ну а потом районо направил меня, как человека мобильного и не обремененного семейными и прочими

узами, в село Зеньковку, где приспело идти в декретный отпуск учительнице русского языка и литературы. В день отъезда в Зеньковку запуржило-замело всю округу, и это было так романтично, что строки сложились в голове сами собой, а записал их в тетрадь уже по приезде на место новой работы.

СНЕЖНЫЕ СТАНСЫ

Как я хочу, чтоб эта замая
Кружила день, кружила два,
А с ней кружилась голова,
Лишь по тебе оставив память,
О снежно-чистая моя!

Не первый раз я робок в чувствах,
Но лишь сегодня умилен,
Огромной нежностью смятен.
Мне без тебя так будет пусто!
Да, я влюблен.

Спой на прощание мне звонко,
Махни сугробным рукавом.
Я в дальней от тебя сторонке
Средь тополей ноябрьски тонких
Нашел свой дом.

Зеньковка. Ноябрь 1963

Директор Зеньковской восьмилетней школы Николай Николаевич Тараканов определил меня на временный постой в дом бухгалтера местного колхоза «Рассвет». Хозяева выделили мне маленькую узенькую комнатку, где жила раньше их старшая дочка, уехавшая заканчивать школу в тамбовском интернате. Рядом с печкой у двери в мои «апартаменты» стоял новорожденный бычок с подвязанной под жгутиком на брюшке баночкой, которую он тут же по мере наполнения и расплескивал на пол. Но меня, рожденного и выросшего в селе, это нисколько не смущало. Я был в плену у продолжавшего развиваться сильного чувства. По вечерам после уроков и дополнительных занятий в школе я садился за столик в своей каморке, отодвигал на потом стопку тетрадок, принесенных для проверки, и вдохновенно строчил новые стихи. Их было много, поверьте, десятков страниц альманаха не хватило бы напечатать сочиненное мною в те вечера. Одно из этих стихотворений начиналось строчкой, которую я носил в себе как камертон и некую поэтическую заготовку все четыре первых студенческих года. И лишь здесь эта строчка пригодилась и обрела продолжение.

ГЛАЗА ЛЮБИМОЙ

Что такое любовь, не смогу я ответить,
Не смогу сочинить и пропеть не смогу.
Надо мною луна в бледном зареве светит,
Звезды падают вниз и блестят на снегу.

Точно так же глаза у любимой сияли.
Ты была хороша, словно иней в саду.
Мне ресницы твои лучше слов подсказали,
Где таится ответ, где я счастье найду.

Так сияйте огнем негасимым и вечным,
Лейте нежность в меня и ласкайте меня.
Я хочу, чтоб со мной ты была бесконечно,
Ведь любовью к тебе эти строки звенят.

Зеньковка. Ноябрь 1963

С разными вариациями вечная тема откладывалась во все новые и новые строчки, благо разлука лишь усиливала чувство, а нечастые встречи по выходным в Тамбовке, куда я приезжал навестить отца и мою математичку, заставляли писать и писать в надежде быть понятым моей избранницей.

* * *

Такое белое сиянье!
Такая ясная луна!
Морозное очарованье,
Тобою степь полным-полна.

Свеченье снега в полночи,
Когда все звезды чуть видны.
Луна со мной обняться хочет,
Да не достать мне до луны.

Так ты, далекая, как небо,
Манишь меня, зовешь меня,
И я хочу сквозь явь и небыль
Коснуться твоего огня.

Зеньковка. Ноябрь 1963

Следующее стихотворение задумывалось как песня и песней стало – нашей семейной, сокровенной, мотив к которой сочинила моя жена (та самая математичка). Мы ее певали не раз на домашних праздниках, знают и поют с нами изредка эти немудреные строки и наши дети.

И тогда, почти сорок лет назад, и сейчас мне не хочется ни слова изменить в написанном, как и в нашей совместной жизни не отрекаюсь ни от одного прожитого дня. Хотя было всякое...

ПЕСНЯ

Где ты, мой далекий, мой хороший?
Ночь спустилась тихо на поля.
Снится мне рассветная пороша,
В инее хрустальном тополя.

Звезды проплывают мимо окон,
В комнату роняя бледный свет.
Ты, любимый мой, сейчас далеко,
Мне к тебе пути-дороги нет.

Нет мне в снах покоя и отрады
От того, что в них приходишь ты.
Иней опушил деревья сада,
И стоят волшебные кусты.

Зеньковка. Ноябрь 1963

Постепенно лирический поток не то чтобы иссяк, но перешел в другое русло: мы с Ларисой объяснились и, более того, решили связать наши судьбы. В ту пору я написал следующие незавершенные стихи, в которых выступаю в роли некоего всамделишного учителя, хотя на ниве просвещения всю жизнь проработала именно жена, за что и стала под конец своей педагогической карьеры Заслуженной учительницей Российской Федерации.

* * *

Ночная лампа,
Книжки на столе,
Тетрадки стопкой
Да цветок застывший...
Есть деревенька на земле,
Где я живу
И где тебя не слышно.
Иду ли в школу утром,
В ясный день –
Я вспоминаю голос твой, улыбку.
По грустному лицу
Разлуки бродит тень,
Да снег скрипит
Рассыпчатый и зыбкий...

Зеньковка. Ноябрь 1963

Практика близилась к концу, мои полгода честно были отработаны, в чем убедился посетивший меня в Зеньковке с проверкой преподаватель кафедры русского языка нашего института милейший и деликатнейший человек Александр Алексеевич Чешев. Он пробыл у меня в гостях сутки, посетил несколько уроков, разобрал по «косточкам» мои методические и прочие приемы, особо ругать не стал, хотя, наверное, было к чему придраться. Взамен я ему весь вечер, а ночевал он у меня же в комнатке, читал свои новые стихи. Александр Алексеевич, участник Великой Отечественной войны, стойко выдержал и это испытание, благо коротать время нам помогала к тому же бутылочка доброго портвейна под щедрую деревенскую закуску моих хозяев.

Назавтра Чешев уехал, а я вновь отправился в школу вместе с детьми наряжать елку, близился новый 1964 год, и школьная елка была отнюдь не рядовым мероприятием для зачета практиканту, а именно тем праздником души, о котором так теперь тоскуется с годами.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ГОДА

За селом утонуло солнце
В снежно-белых сугробах-холмах.
Постучался мороз в оконце.
Огоньки засверкали в домах.

И предчувствие новой удачи
И во мне, и во всех сообща.
Ну конечно же, это значит –
Новый год к нам в окно постучал.

И недаром торопятся в школу
Малыши говорливой гурьбой –
Праздник зимний, красивый, веселый
Встретить с елкой молодой.

Зеньковка. 31 декабря 1963 года

Одно из самых памятных событий той поры – грандиознейший иней, буквально обрушившийся на Зеньковку, на ее черемушны садики, окаймляющие огороды, через которые я напрямик ходил по утрам в школу, нет-нет да и пощипывая себя за щеку – не сказка ли вся эта красотища? Вот только стихи об этой красоте-наваждении написались позже, через десяток лет. Но ведь написались, и, мне кажется, неплохо. Вот их-то я и вынул из заветного лирического дневника и напечатал в книжке.

ИНЕЙ

Тропинка огородами бежит,
А иней по садам – до изумленья!
Дохнёшь – и каждой веткой задрожит
Любое задремавшее растение.

Под чистый звон иглистых хрусталей
Я забывал директора упреки
И с каждым днем все чаще и смелей
Опаздывал на первые уроки.

Я странный был, конечно, практикант,
Куда мне было до благополучья!
Но в детях я хотел открыть талант:
Услышать землю, распознать созвучья.

Когда настало время уезжать,
Я по наукам проскакал верхами,
Взамен отчета – общую тетрадь
Усеял коллективными стихами.

Педпрактику мне все-таки зачли,
Хоть нарекли восторженным разиней.
Село Зеньковка...
Годы уж прошли,
Я не забыл твой небывалый иней.

И если кто-то мне стихи готов
Хоть до утра читать без остановки,
Припоминаю я учеников
И думаю: а он не из Зеньковки?

Благовещенск. 1974

Нина ДЪЯКОВА

выпускница БГПИ 1977 года

Родилась в Амурской области, здесь и прижилась – приросла к земле этой, не всегда благодатной, корнями и каждой клеточкой. Писать стихи начала рано, ещё в школе. А вот своей Alma mater – нынешнему педуниверситету – обязана всею дальнейшей творческой судьбой. Лучших преподавателей, чем на филфаке, вообще больше нет нигде. А учителем жизни была работа – сначала в областном краеведческом музее, потом – в учреждениях культуры (от инспектора до редактора альманаха). Сегодня я – зав. литературной частью Амурского театра драмы, а попросту – *завлит*, что не мешает стихам, ибо не должность это и не профессия, а состояние души – поэзия...

Стихи

* * *

Вот порадую печалью
Всех своих врагов!
Я счастливой быть не чаю,
Друг мой дорогой.

Мне не спится до рассвета,
Но тебе ль не знать:
От привычки давней это –
Окна раскрывать

Нараспашку, настезь рамы,
Чтобы дождь с утра
Приходил ко мне дворами
И шептал: «Пора...»

Как особенная милость –
Мыл бы карагач
И цветы, что запылились.
И ворчал: «Не плачь...»

Чтобы каплями по краю
Зонтика свисал:
«Ты же девочка большая,
Ну, не раскисай...»

* * *

Осень. Просинь. Синь.
Печаль и птицы.
Это всё когда-то
Повторится.